

Содержание

Благодарности	7
Руководство для пользователя	10
Материальные факторы / Негерменевтическое / Присутствие: Эпистемологические сдвиги в эпизодах и лицах	15
Метафизика: Краткая предыстория того, что меняется ныне	34
По ту сторону значения: Позиции и понятия в развитии ..	60
Эпифания/Презентификация/Дейксис: Виды на будущее для гуманитарных наук и искусств ..	96
Миг покоя: Об избавлении	134
Примечания	152
Указатель	169

БЛАГОДАРНОСТИ

Гуманитарии, пожалуй, охотнее, чем ученые других кланов, жалуются на институциональные условия своей работы. Не притязаю составить исключение из этого почтенного правила — однако же сегодня мне хотелось бы с самой теплой признательностью добавить, что работа над этой книгой позволяла мне сознать себя живущим в лучшем из возможных интеллектуальных миров, одновременно и в Стэнфордском университете, и в мировой Республике словесности. Действительно, в обдумывании, написании и даже вычитке этой небольшой книжки мне активно помогали так много коллег и друзей, что просто по соображениям пространства и пропорции я смогу поблагодарить здесь лишь тех из них, чья поддержка была особенно конкретной и ощутимой (многие другие упоминаются и цитируются в главах, покрываемых жанровым определением «поколенческого мифа»). Адреса своих благодарностей я разделю по двум направлениям — в Стэнфорде и в Республике словесности, а уж всех тех, кто с сугубым (и, боюсь, скудно вознагражденным) терпением более десятка лет внимал ранним версиям моих идей о «материальных факторах», затем о «негерменевтическом», а затем о «присутствии», мне просто не припомнить.

В Стэнфорде я хочу прежде всего поблагодарить Джошуа Лэнди, Мэтью Тьюза и Маргарет Томпкинс, без чьей настойчивости (имевшей в каждом случае свои мотивы) я бы просто отказался от работы над этой книгой. В равной мере я признателен Роберту Харрисону, так как не могу более представить свою умственную жизнь без его присутствия; Киту Бейкеру за его убежденность, что я должен заниматься прежде всего писанием научных работ (хотелось бы, чтобы он оказался прав); Джону Бендеру за завтраки в кафе «Принтер'з Инк.»; Роберту Бачу за ту изысканную учтивость, с какой он интересовался моими рукописями и оттисками статей; Блиссу Карнокену за чуткость к тому, что заботит меня, сквозь перегордку между

нашими рабочими местами в библиотеке (а что именно забочит — я даже сказать не могу); Никласу Дамирису за его необыкновенно стимулирующие реакции (или же имелось в виду, что это такой разнос?); Шарлотте Фонроберт за проведенное ею разделение между теологией и «религиозным мыслителем»; Кэри Хауи за то, что он первым прочел все это как целую книгу; Трине Мармарелли за то, что она так мила (и, кроме того, такая гениальная читательница); Альдо Мадзукелли за то, что он убедил меня в возможности даже семиотики присутствия; Габриэлле Мойер за ее признание, что отсутствие смысла необязательно бессмысленно; Андреа Найтингейл за ее любезные попытки говорить со мною не только о научных трудах; Нико Питесу за память о «Материальных факторах»; Норрису Поупу, выказавшему еще больше терпения, чем некоторые из моих прочих друзей; Дарлин Реддуэй за милостивую, но отнюдь не снисходительную улыбку, с какой она смотрит на университетскую жизнь; Тому Шихену за то, что он назвал моего Хайдеггера «земным».

Мигель Тамен и Жуан Сезар ди Каштру Роша по две разные (и противоположные не только географически) стороны Атлантики лелеяли и холили затянувшееся детство и отрочество этой книги с таким неотступным присутствием и интеллектуальной остротой, каких не могло бы превзойти ничье реальное присутствие. Моя благодарность адресуется также во Франкфурт — Хеннингу Риттеру, о чем (более чем) одобрении я бы и подумать не смел, когда начинал писать; в Рио-де-Жанейро — Луису Кошта Лиме за грозный миг в жарком споре; в Мюнхен — Герману Дётчу за поистине тяжкие муки, которые мне пришлось терпеть от него (в жизни и письмах); в Миддлбери и Монтевидео — Валентину Фердинану за его в высшей степени искреннюю готовность читать; во Франкфурт — Вернеру Хамахеру за его умение поднимать не замеченные мною проблемы; в Рио-де-Жанейро — Жозе Луису Жубину за его насмешливое благословение; в Хаттинген (и ряд других мест) — Улле Линк-Хер за ее неутомимость; в Рио-де-Жанейро — Валдею Лопесу ди Араужо за его спокойный энтузиазм; в Мехико — Альфонсо Мендиоле за длиннейшую из бесед; в Гамбург — Фелиситас Нёске за то, что никогда не давала мне проехать мимо, словно поезд в ночи; в Кембридж — Кэтрин Пиксток за то единствен-

ное на свете электронное письмо, которое заслуживало быть названо «прекрасным»; в Корнелл — Жуану Рамону Резине за то, что он столь любезно меня переоценивает; в Копенгаген — Мадсу Розендалю за его интенсивнейший *Gelassenheit**; в Берлин — Виолете Санчес Лорбах за ее согласие стать крестной; в Эльсфлет — Томасу Шлейху за подаренный пирсинг; в Сидней — Тони Стивенсу за неодобрение моего «вводно-скобочного» стиля; во Франкфурт — Бернду Штиглеру за то, что ему все мало да мало; в Чикаго — Дэвиду Уэлбери за его вопрос (а порой и придирки) насчет того, не являюсь ли я «религиозным мыслителем»; в Москву — Сергею Зенкину за то, что заставил меня с большим вниманием и пользой читать Аристотеля; и в Мехико — Гильермо (и Пилар де) Серменьо за незабываемого осьминога.

* Покой, спокойствие (нем.). — Здесь и далее подстрочные примечания принадлежат переводчику. Ему же принадлежат вставки английских терминов в квадратных скобках в основном авторском тексте, в отличие от терминов из других языков, помещенных в круглые (или, в цитатах, — квадратные) скобки и вставленных автором книги.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

Базовые понятия

В этой короткой книжке ряд более или менее «философских» понятий используется не совсем обычным образом. Объяснять, почему так, потребовало бы столько места, что не будет далеко от истины просто сказать: главной задачей книги как раз и является постоянное объяснение и усложнение категорий. Во избежание недоразумений и, как следствие, неудовлетворенности читателей полезно будет сразу же дать несколько исходных — и сугубо элементарных — определений. Словом «присутствие» [presence] обозначается (по крайней мере, по большей части) не временное, но пространственное отношение к миру и его предметам. Предполагается, что до чего-то «присутствующего» можно дотронуться рукой, откуда вытекает, что оно, в свою очередь, может оказывать непосредственное воздействие на человеческое тело. Далее, термин «производство» [production] употребляется в соответствии с его этимологическим корнем (*лат.* *producere*), обозначающим действие «выдвижения» какого-либо предмета в пространстве. Слово «производство» не связывается здесь с изготовлением изделий или промышленных товаров. Таким образом, под «производством присутствия» понимаются всякого рода события и процессы, вызывающие или усиливающие воздействие «присутствующих» объектов на человеческие тела. Все предметы, имеющиеся в «присутствии», будут называться «вещественным миром» [things of the world]. Хотя и можно утверждать, что ни один предмет в мире никогда не бывает доступен непосредственно телу и сознанию человека, тем не менее понятие «вещественного мира» включает в себя как дополнительный смысл идею стремления к такой непосредственности. Чтобы понять, что значит слово «значение» [meaning] (а также «присвоение значений»)*, стоящее в под-

* В английском оригинале книги термины «meaning» и «sense» употребляются как синонимы. В русском переводе второй из них передается как «смысл», а первый — обычно как «значение» и лишь в отдельных случаях как «смысл».

заголовке книги и проходящее через все ее главы, нет нужды заглядывать в языковой или философский словарь. Если мы наделяем значением некоторую присутствующую вещь, то есть образуем представление о том, чем эта вещь может быть по отношению к нам, то мы, по-видимому, с неизбежностью ослабляем то воздействие, которое эта вещь может оказывать на наше тело и чувственность. В том же смысле употребляется здесь и слово «метафизика». Напротив того, хотя в нижеследующих главах обсуждается ряд теологических понятий и мотивов, я избегал использовать те значения «метафизики», которые совпадают с «трансценденцией» и «религией». «Метафизика» обозначает такую позицию — одновременно и бытовую позицию, и научную перспективу, — при которой значению явлений придают более высокую ценность, чем их материальному присутствию; то есть под этим словом подразумевается такое мировоззрение, которое все время устремлено «дальше» (или «глубже») всего «физического». Таким образом, в отличие от «присутствия», «производства» и «вещественного мира», слово «метафизика» играет роль козла отпущения в небольшой концептуальной драме, которая разыгрывается в книге. Эту роль козла отпущения «метафизика» разделяет с другими понятиями и названиями — такими как «герменевтика», «картезианское мировоззрение», «субъектно-объектная парадигма» и в особенности «толкование» [interpretation]. Хотя подобные распределения концептуальных ролей грозят принять несколько навязчивый характер, следует понимать, что свойственное этой книге предпочтение «присутствия», «производства» и «вещественного мира» не выливается в осуждение любых видов отношения к миру, основанного на значении.

Задачи

Задача этой книги — твердо выступить против склонности современной культуры оставлять и даже забывать всякую возможность отношения к миру, основанного на присутствии. Говоря конкретнее — твердо выступить против привычки систематически отвлекаться от присутствия, против безраздельно центрального положения, которое занимает толкование в ака-

демических дисциплинах, именуемых у нас «гуманитарные науки и искусства» [the humanities and arts]. Хотя новая (включая новейшую) западная культура может быть описана как процесс все большего оставления и забвения присутствия, некоторые из «спецэффектов», создаваемых сегодня наиболее передовыми коммуникационными технологиями, могут оказаться средствами, вновь пробуждающими стремление к присутствию. Однако утоление подобного желания не может совершиться простой заменой значения на присутствие. В конечном счете эта книга ратует за такое отношение к предметам вещественного мира, которое бы колебалось между эффектами присутствия и эффектами значения. Между тем эффекты присутствия всецело обращены к нашей чувственности. Следовательно, вызываемые ими реакции не имеют ничего общего с «вчувствованием» [Einfühlung], то есть с воображением того, что происходит в чужой душе.

Единомышленники

Не существует какой-либо одной научной «школы» или «школы мышления», к которой принадлежала бы по своему содержанию эта книга. Ясно, что она не придерживается (совсем наоборот!) традиции европейской «герменевтики», не является упражнением в «деконструкции» и еще далее отстоит от «культурных исследований» и (боже упаси!) «марксизма». Вместе с тем она особо не притязает и на такие похвальные этические достоинства, как «непочтительность», «неподатливость» или «независимость». Дело в том, что она в большей степени, нежели возможно выразить прямо, основана на идеях, навеянных трудами двух моих глубоко чтимых друзей и коллег. В развитии своих пяти глав она следует траектории, намеченной еще в 1980-е годы благодаря открытию Фридрихом Киттлером новой «интеллектуальной чувствительности» ко всякого рода «материальным факторам». Однако эта траектория у меня мягко отклонилась в сторону, а затем и очень деликатно восстановилась благодаря Роберту Харрисону, бесподобно умеющему работать с некоторыми классическими вопросами философского экзистенциализма — такими как роль пространства,

земли и мертвых в человеческой жизни. Кроме того, в главе третьей («По ту сторону значения») излагаются некоторые более точечные сближения между данным размышлением о «присутствии» и рядом недавних работ в различных дисциплинах гуманитарного цикла. Однако нельзя сказать, что эти множественные сближения сходятся воедино, суля (или же грозя) создать какую-либо новую интеллектуальную позицию или научную парадигму. Наконец, хотя автор и признает, что ныне ему трудно представить себе свою работу без философии Мартина Хайдеггера, он менее всего желал бы, чтобы к нему пристал ярлык «хайдеггерианца». Причины такого нежелания носят нефилософский характер.

Тональности

Некоторые из читавших рукопись этой книги отмечали странный разноречивый контраст между неожиданно (а то и вызывающе) «автобиографической» тональностью первой и последней глав и более академическим стилем тех глав, что стоят между ними. Другим вся рукопись в целом показалась недопустимо эгоцентричной — замечание, которое автору не так-то легко отбросить, учитывая скандально большое число его собственных книг и статей, упоминаемых в примечаниях. Оттого он чувствует себя обязанным признать, что у него нет убедительного извинения (да и бывают ли вообще «убедительные» извинения?), а тем более уважительных причин, объясняющих способ изложения этой книги. Достаточно ясно, что в известной мере он чувствовал необходимость писать именно так, поскольку считал нужным выделить в интеллектуальном пространстве, контуры которого сегодня странно размазаны, определенное место для своего сугубо личного выступления (и для рассказа о том, каким образом оно сложилось). Но автор никогда не принимал решения и не делал выбора в пользу присущего этой книге дискурсивного разноречия. Возможно все же, что такой разноречивый контраст — нечто большее, чем индивидуально-личная реакция на нынешнюю интеллектуальную среду, где старинные убеждения, позиции и школы блекнут, а новых убеждений, позиций и школ как-то не появляется на горизонте. Один из самых про-

зорливых (и щедрых на мысли) друзей автора недавно заметил, что в таких условиях нам приходится быть интеллектуальной средой для себя самих и даже служить самим себе системой отсчета для трудов, которыми занимаемся.

Повторы и структура

Некоторые интеллектуальные мотивы, цитаты, аргументы и даже некоторые дефиниции всплывают в нижеследующих главах по несколько раз — как будто это просто сборник кое-как подправленных статей, которому придали внешний вид книги, между тем как в действительности это именно книга, написанная с первой до последней страницы в ходе непрерывной, напряженной и сосредоточенной работы. Причина столь многочисленных повторов, очевидно, в том, что исходным импульсом книги была скорее глубинная интуиция (да она так и осталась интуицией), нежели форма последовательного изложения. Автор постарался, как мог, превратить эту интуицию «присутствия» в традиционный нарратив (по выражению одного из друзей и читателей, в «поколенческий миф»), который начинается в прошлом, достигает кульминации в настоящем и заканчивается взглядом на перспективы будущего. И все же, несмотря на эту внешнюю нарративность, сам автор переживал совершаемое им интеллектуальное движение как концентрические круги все большей сложности. Оттого в какой-то момент он отказался от мужественной борьбы с повторами — и по той же самой причине надеется ныне, что эти повторы могут служить чем-то вроде камертона для будущих читателей книги.